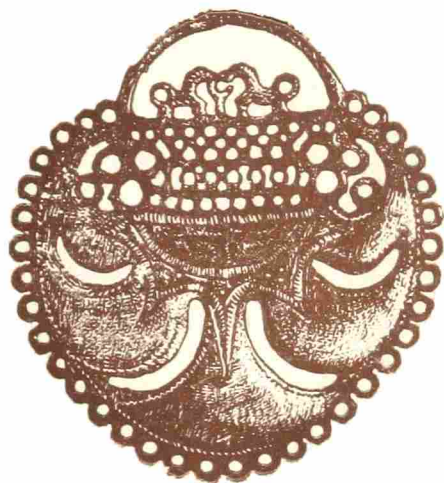

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1986

КИНЖАЛЫ V В. С ДВУМЯ ВЫСТУПАМИ НА НОЖНАХ

«Значение оружия как предмета археологических и исторических исследований обуславливается исключительностью положения, которое оно занимало в народной жизни минувших веков; как предмет первой тогда необходимости, от боевых качеств и годности которого зависели жизнь, свобода и состояние как отдельного лица, так и всего народа, оружие, естественно, должно было занимать одно из первых мест в жизненной обстановке и привлекать к себе лучшие производительные силы страны. Выделка его находилась в руках наиболее искусных мастеров» [1, с. 2]. А для рассматриваемых здесь эпохи великого переселения народов и раннего средневековья изучение оружия позволяет характеризовать уровень не только военного дела, но и ремесел, воскресить забытые страницы истории прикладного искусства: находки оружия особенно красноречиво говорят о некогда существовавших оживленных связях между разными, подчас самыми удаленными частями Евразии.

Цель этой статьи — в какой-то мере заполнить пробел в изучении раннесредневекового вооружения, дав обзор кинжалов с двумя выступами для подвешивания на ножнах. Существует немалая археологическая литература о мечах, луке, доспехах. Но и такое скромное оружие, как кинжал, почти забытое исследователями, оказывается не менее, а подчас даже более информативным. Поводом к написанию статьи стал обмен мнениями с д-ром Вакоу Анадзава (Япония), которому автор сердечно благодарен за ту доброжелательность, с которой он знакомил меня с новейшей литературой по дальневосточной археологии, важной для поднимаемой здесь темы.

Обычно от кинжала или меча сохраняется лишь железная полоса без всяких следов рукояти и ножен, т. е. утрачивается значительная часть информации, изучаемой оружейведением. Рукоять и ножны очень важны для датирования, выяснения ремесленных традиций, связей, взаимовлияний. В ходе работы удалось выявить ряд великолепных художественно исполненных образцов, сохранившихся в обломках и подчас относимых к категории предметов неизвестного назначения. Вообще археологические находки кинжалов нечасты, но, судя по восточной живописи V—VIII вв. и тюркским статуям VII—VIII вв., они, как правило, сопутствовали мечу, а в некоторых случаях оставались единственным «домашним» оружием представителей правящего класса.

Способы подвешивания клинков, а с ними и формы ножен менялись в течение I тыс. н. э., причем не всегда синхронно для мечей и кинжалов, на что первым указал Б. И. Маршак. Римляне вешали их за петли по обе стороны ножен, но с конца III в. в обиходе их знати фиксируются более длинные мечи со скобой (статуи тетрархов в Венеции, 293—305 гг.) [2, рис. 4, 3], которые уже в первые века нашей эры широко бытовали у народов Азии от Кореи до Ирана и у сарматов Восточной Европы [3, с. 14, 24—27]. Скобу делали из ценных пород камня, железа или бронзы, но чаще, видимо, из дерева, и тогда она не сохранялась. Скоба имела снизу выступы, крючки, паз в середине, как-то сцеплялась с плоскостью ножен, и под нее продевался скользящий ремень, свисавший с боевого пояса, — меч висел вертикально, и его придерживали рукой или ногой (рис. 1, 8, 9). Впрочем, иногда меч висел наклонно, тогда возле скобы, как бы упираясь в нее, видна округлая наременная бляха

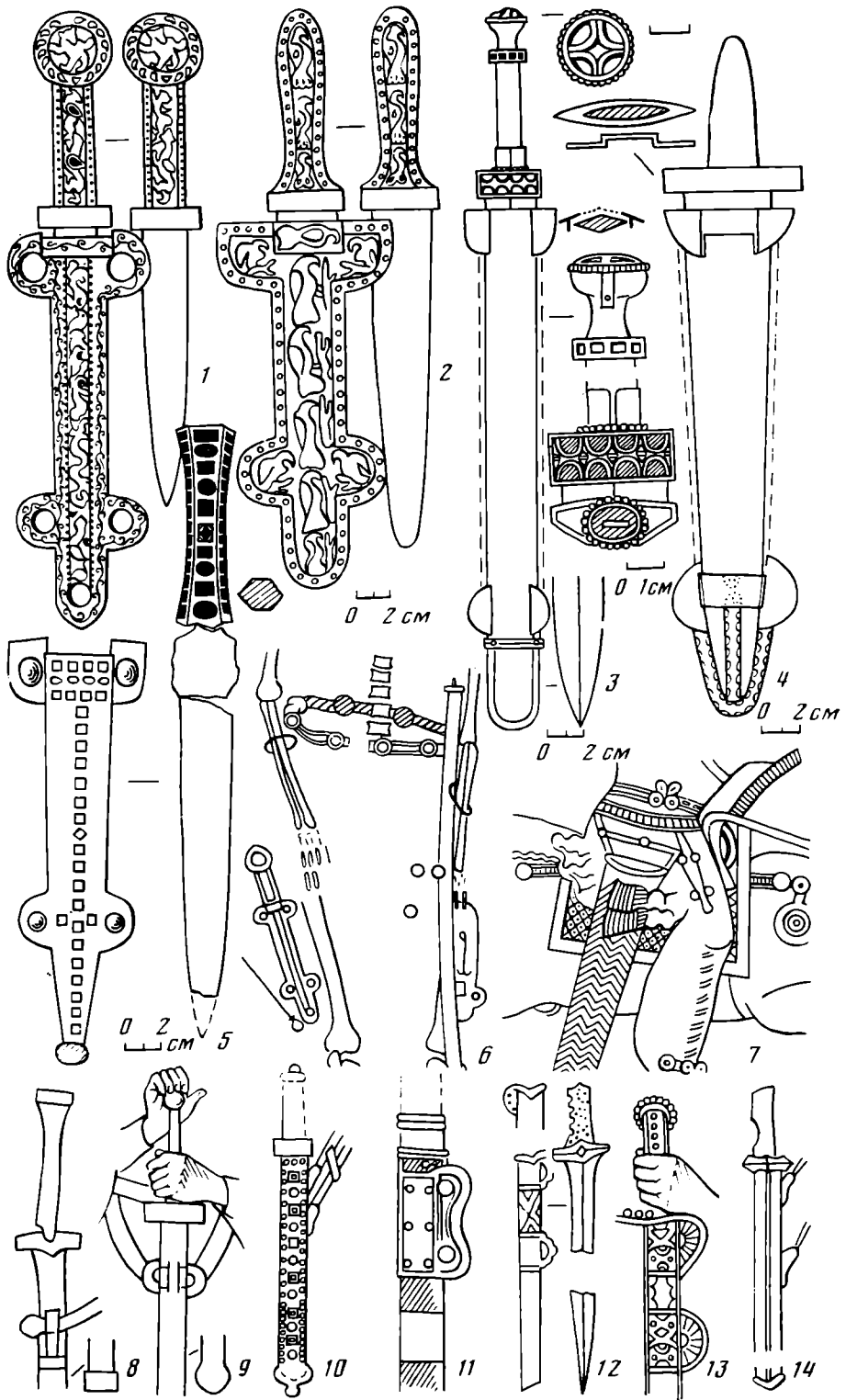

Рис. 1. Кинжалы I—V вв. с двусторонними выступами на ножках и некоторые формы мечей I—VIII вв. 1, 6 — Тилля-тепе; 2 — Анапа; 3, 4 — Цибилум I. могилы 43 (3), 39 (4); 5 — Армазис-хеви; 7 — Малая Перещепина; 8 — Курган-тюбе; 9 — блюдо Хосрова I; 10 — Так-и-Бустан; 11 — Авьян, могила Чан Шэна; 12 — блюдо со сценой поединка; 13 — Фундукстан; 14 — блюдо Пур-и-Вахмана. 1, 6, 13 — Афганистан; 2—5 — Кавказ; 7 — Украина; 8 — Узбекистан; 10 — Иран; 11 — Китай

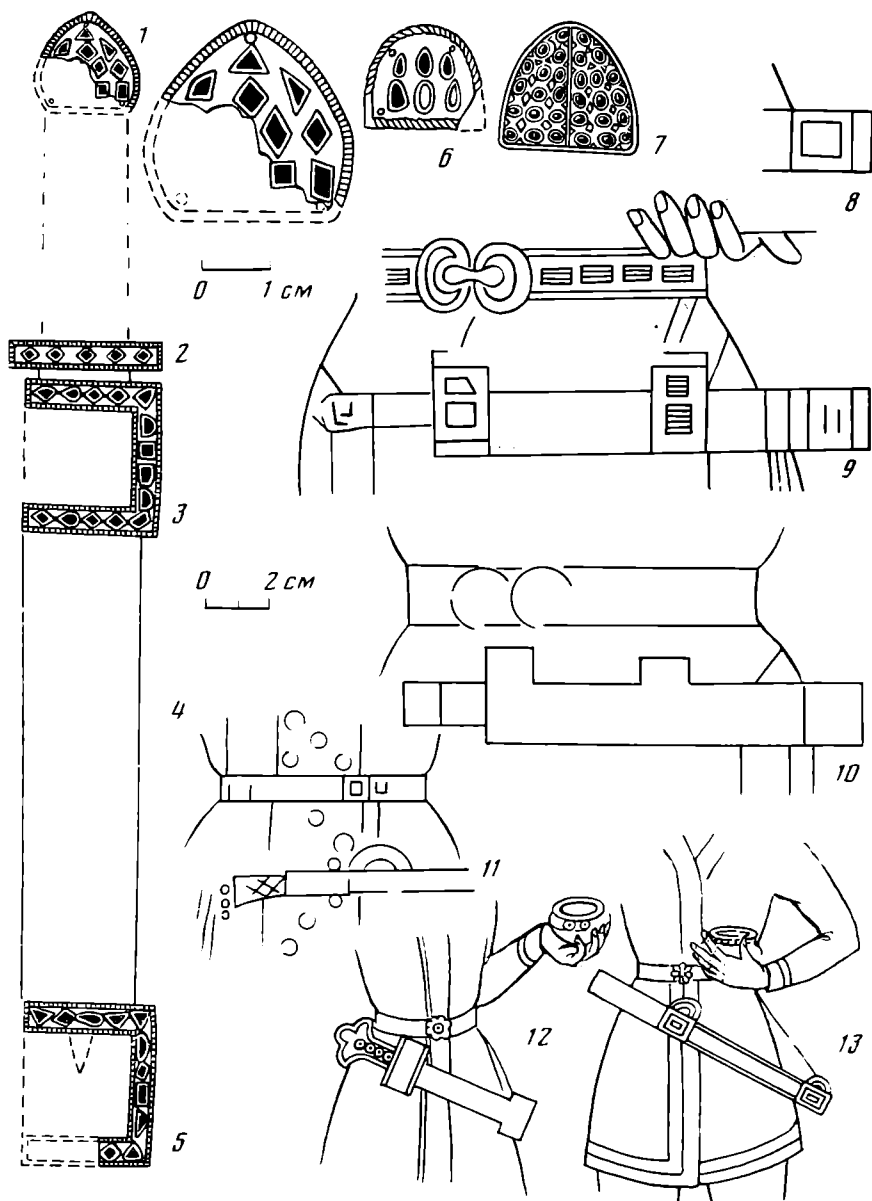

Рис. 2. Кинжалы V в. с двумя боковыми выступами. 1—5 — Новогригорьевка, могила VIII (реконструкция); 6 — Щербатая котловина; 7 — Кучугуры; 8—11 — Пенджикент, живопись северной капеллы во дворе II храма; 12, 13 — Кызыл, оазис Куча, живопись из пещеры художников. 1—7 — Украина; 8—11 — Таджикистан; 12, 13 — Восточный Туркестан. 1—7 — золото и сердолик; 8—13 — живопись. 6—13 — без масштаба

(рис. 1, 8 и некоторые сасанидские скальные рельефы). Но в основном положение меча было неустойчивым, и, вероятно, он мог мешать воину при движении. Мечи со скобой последний раз изображены в Иране на рубеже VI—VII вв. в Так-и-Бустане как церемониальное оружие, а в Пенджикенте и афганистанском Фундукистане даже в VIII в. наряду с мечами более совершенной конструкции — с двумя боковыми выступами на ножнах для фиксированного наклонного подвешивания (рис. 1, 10, 12—14). На западе и севере Европы вертикальное подвешивание тоже сохранялось долго.

Кинжалы вплоть до первых веков нашей эры имели ножны с четырьмя парными выступами по краям (рис. 1). Они то висели вертикально, то привязывались к правому бедру двумя ремешками [3, с. 13, 14, 27]. Самые ранние находки III—II вв. до н. э. сделаны в Горном Алтае [4], самые поздние, второй половины V и начала VI в., — в Абхазии (рис. 1, 3, 4) [5, с. 148—154, рис. 17—19]. Их изображения есть в Иране

I—V вв. (рис. 1, 7 — два блюда 457—483 гг.). Роскошные образцы I—III вв., обложенные золотом и ценными камнями, найдены в Афганистане (рис. 1, 1, 6) [6, рис. 38, 45—47 и между с. 32, 33], Анапе (рис. 1, 2) [7, цветные фото 16, 18] и Мцхете (рис. 1, 5) [8, табл. I, III, XXXVIII, LI, LIII]. Обычно, как и на Алтае, твердая обкладка была лишь с лицевой стороны, а с изнанки клинок прикрывался кожей, возможно, с мягкой прокладкой, так как привязывался к телу. Часто встречается ложная крестовина — выделенное рельефом устье ножен, охваченное с боков выступами (рис. 1, 1, 2). Этот прием появился на гораздо более древних ножнах иранских и скифских мечей (рельефы Персеполя, Келермес, Литая могила) и встречался на восточных кинжалах из Керим-ло и Борового еще в VI—VII вв. н. э., т. е. периодически появлялся в течение полутора тысячелетий.

Следующий этап развития ножен — подвешивание их слева в наклонном или горизонтальном положении за два боковых выступа (рис. 1, 10—14). У мечей оно появилось во второй половине VI в. (рис. 1, 10), у кинжалов — уже с начала V в. (рис. 2, 1—5). Известные пока ранние выступы кинжалов — прямоугольные и полукруглые (рис. 2, 9—13); позднее, со второй половины VI в., к ним прибавились асимметричные P-образные. Происхождение ножен с двумя выступами неясно: или это совершенно новое изобретение, или переработка ножен с четырьмя выступами. Кинжалы новой формы, судя по изображениям, согдийцы носили у самого пояса в горизонтальном положении (рис. 2, 8—11), тохары Восточного Туркестана — чаще наклонно (рис. 2, 12, 13). На Востоке сами кинжалы V в. пока не найдены, только их изображения.

Кинжал в золотых ножнах с двумя выступами, относящийся к гуннскому времени первой половины V в., можно реконструировать по обломкам из кочевнической VIII могилы в Новогригорьевке на Днепре (рис. 2, 1—5) [9, с. 15]. Рисунок кинжальной полосы, хранящейся в Эрмитаже, до сих пор не опубликован, есть лишь краткое описание: клинок обоюдоострый, эллиптический в разрезе, самый конец острия отломан, сохранившаяся длина 19,5, ширина у основания 3 см. Стержень рукояти плоский, размеры не указаны. К кинжалу Т. М. Минаева отнесла гладкие обкладки из слабо сужающихся золотых листов размерами 14,2×3,8 — 3 см, с загнутыми продольными краями, отверстий от гвоздиков на обкладках нет (рис. 2, 4) [10, с. 95]. Среди часто публикуемых инкрустированных предметов «неизвестного назначения» из той же находки [10, с. 97, табл. IV, 29, 30; 11, с. 73, 74, табл. V, 85] можно выделить и другие позолоченные детали оформления кинжала (рис. 2, 1—3, 5). Это бронзовые пластинки с накладными бордюрами из рубчатой проволоки, обернутые листками золота, на которых подложенная проволока оттиснулась выпуклыми валиками, а все свободное пространство густо заполнено мелкими угловатыми сердоликами в низких гнездах из золотых ленточек с заходящими концами. Они сделаны из бледного золота, как и гладкие обкладки, и по характеру исполнения составляли один комплект. Прямая полоска (рис. 2, 2) сохранила следы того, что когда-то с одного конца загибалась, как более широкие обкладки крестовин мечей V в. Сердцевидную пластинку со следами гвоздиков (рис. 2, 1) можно сопоставить не только с близкими пластинками находок (рис. 2, 6, 7) [11, с. 59, № 49, с. 62, № 57, 58, табл. V, 57, 58], но и с плоскими или слаборебристыми набалдашниками кинжалов I—VII вв. (рис. 1, 1; рис. 3, 5, 6 и др.). Традиция завершать кинжал плоским сердцевидным навершием сохранилась на Востоке до XIX—XX вв. Загадочные П-образные рамки (рис. 2, 3, 5) можно определить только как оковки двух боковых прямоугольных выступов для подвешивания ножен, как это видно на восточных и тюркских изображениях (рис. 2, 9, 10, 12). Расположение выступов на концах новогригорьевских ножен определяется параметрами клинка, обкладок и отсутствием на средней обкладке следов от штифтов, которых на каждой П-образной пластинке было по четыре. Общая длина реконструированных ножен составит 23,6 см — лишь на 4,1 см длиннее клинка с обломанным концом. Как

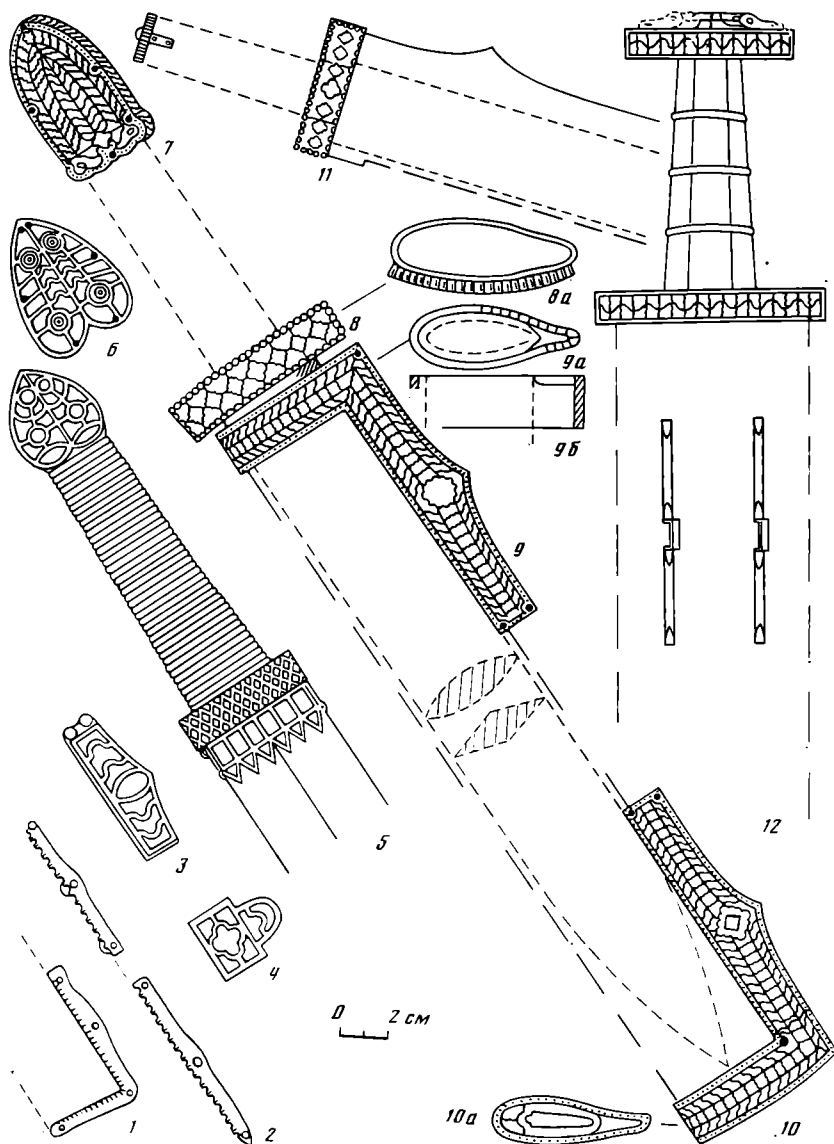

Рис. 3. Оружие V в. и его детали из Средней и Западной Европы. 1 — Чонград-Кендерфельдек, могила 28; 2 — Кёрёшладань; 3, 4 — Кляйн-Хювинген; 5 — Пуан; 6 — Неметкер; 7—12 — Турна, могила короля Хильдериха 482 г. 1, 2, 6 — Венгрия; 3, 4 — Швейцария; 5 — Франция; 7—12 — Бельгия. 7—12 — золото, гранаты. Реконструкция по Х. Арбману (11, 12) и А. К. Амброзу (7—10). 3—5, 11 без масштаба

видно на примере мечей того же времени, конец кожен имел внутри деревянную «пробку» не тоньше 1,5—2 см [2, рис. 2].

В целом эта очень яркая и красивая вещь явно восходит к восточным прообразам, у которых выступ помещался и на конце ножен (рис. 2, 12, 13), но сделана она в местной степной восточноевропейской технике «эпохи государства Атиллы» местным мастером. Пока новогригорьевский кинжал с односторонними выступами на ножнах — самый ранний в Евразии. Далее по времени следуют согдийские изображения (рис. 2, 8—11), относимые «примерно к концу V — началу VI в.» [12, с. 34; 13, с. 58—61; 14, рис. 24]. Они найдены в северной капелле II храма Пенджикента под закладкой, содержавшей обломки посуды V в. Кинжалы висят в горизонтальном положении слева у поясов донаторов. Видны два узких ремешка для подвешивания (рис. 2, 9), показаны инкрустации. К тому же времени относят живопись пещеры художников в Куче, в Восточном Туркестане (рис. 2, 12, 13) [12, с. 36; 15, рис. 336—338; 16, с. 27, 28]. Судя по всем этим данным, кинжалы с двумя выступами ранее V в. пока не известны. Их появлению предшествовало широкое употребление кинжалов с четырьмя выступами, носимых

чаще справа, и в течение V в. одни были постепенно вытеснены другими, более совершенными.

Кинжалы с низкими прямоугольными выступами на концах ножен, подобные новогригорьевскому, могли иметь отношение и к сложению раннесредневекового оружия Западной Европы. Исследователи давно ищут связь между появлением у древних германцев короткого однолезвийного меча (или боевого ножа) «сакса» и традициями Азии [17, с. 48—69; 18, с. 43—46]. Ведь в отличие от обычных больших германских мечей, еще много веков по-старому подвешивавшихся вертикально за скобы (рис. 3, 12), сакс висел в наклонном положении и имел сбоку две петли для этой цели. Реальный прообраз такого подвешивания до сих пор находили только у кинжалов из живописи Восточного Туркестана (а теперь еще и Согда). Казалось, что посредниками в переносе на запад восточного обычая должны были стать пришедшие из Азии гунны эпохи Атиллы, поэтому среди археологов возникло предположение, что у гуннов V в. наряду с общеизвестным длинным «вертикальным» мечом обязательно имелся короткий однолезвийный с боковыми выступами для наклонного ношения — его условно назвали «гуннской саблей» или «гуннским саксом». До сих пор в степи такой «сакс» не найден, а мелкие обломки однолезвийных клинков без следов ножен принадлежат не то мечам, не то кинжалам. Зато реконструкция новогригорьевского кинжала показывает, что у гуннов имелся еще один, не учитывавшийся при этих построениях вид оружия, и именно он мог быть тем искомым звеном между изделиями Запада и Азии.

К самым знаменитым ранним саксам относят остатки короткого меча из Турнэ (Бельгия), из могилы франкского короля Хильдериха, погребенного в 428 г. Могила вскрыта в XVII в., от мечей уцелели только золотые оковки, так что все суждения о них остаются в области предположений и опираются на аналогии. Наиболее известна реконструкция Х. Арбмана [19, с. 107—137]: ножны в виде широкого уплощенного справа футляра, окованного по краю золотом (рис. 3, 11). Анализируя рисунок реконструкции, можно заметить, что рукоять и крестовина сильно сдвинуты вправо по отношению к клинку. Реконструкция сделана без влияния в качестве аналогий более поздних, сформировавшихся саксов [17, рис. 8, 10, 11, 14, 16, 17, 22, 108, 112, 259].

Мне кажется возможной иная реконструкция с учетом восточных и гуннской аналогий V в. Ножны меча должны были иметь твердую основу, вероятно обтянутую кожей. Возможны такие варианты: 1) дерево положено по ширине клинка, а далее вправо свободный край кожи около 1,5 см шириной сжимается и скрепляется золотыми обоями — тогда ножны приобретут такой вид, как на реконструкции Х. Арбмана; 2) деревянная основа шире клинка, и ее пустая часть постепенно утончается к правому краю — внешний вид, как в предыдущем случае; 3) ножны сделаны по ширине клинка, а у концов имеют низкие постепенно утончающиеся деревянные выступы, с лицевой стороны обитые золотом. В последнем случае повторяется форма восточного кинжала, лишь оковки выступов упрощены, из рамчатых превратились в Г-образные (рис. 2; рис. 3, 9, 10). К сожалению, ни один из вариантов не может быть обоснован как единственно возможный, вероятность каждого зависит от разного круга привлекаемых аналогий. Реален ли вариант с выступами? Целиком сохранились только выступы VII в., имеющие вид равномерной толщины дощечек с металлической облицовкой. Ни один из них не утончался к краю, как это видим в Турнэ (рис. 3, 9а, 10а). Но они были еще тоньше, например, в аварском могильнике VII в. Кёрнье (Венгрия) их толщина меняется от 2,5 до 4 мм при высоте 2,5—3 см. В Турнэ высота гипотетического выступа — около 1 см при толщине у основания около 6 мм, у края — около 2 мм. С лицевой стороны выступы были усилены массивными золотыми пластинками, прочно соединенными широким кольцом, охватившим ножны поперек. Конструктивно существование таких выступов представляется вполне возможным. Торец тыльного выступа был закрыт золотым донцем (рис. 3, 10а),

торец переднего со стороны устья ножен — тонкой золотой перемычкой с остроугольным вырезом, вероятно, для соприкосновения с лезвием (рис. 3, 9а, 9б).

Меч из Турнэ не мог быть длинным, так как ремешки портупей прикреплялись у его концов, вероятно там, где на выступах находились заострения. Просмотр изобразительного и вещевого материала V—XIX вв. показал, что расстояние между точками прикрепления ремешков к ножнам колебалось в пределах 20—35 см, часто было и меньшим. У саксов VIII в. оно не превышало 14—17—20 см [17, рис. 7—17 и др.], так что при максимальном исчислении ножны и клинок из Турнэ не превысили бы 35—50 см при ширине клинка не более 4,5 см. Судя по особо тщательной отделке донца ножен, меч носили горизонтально: только тогда оно было бы видно. При такой подвеске длина меча еще более ограничивалась размером талии владельца. Способ ношения и габариты так называемого «сакса» из Турнэ более характерны для кинжалов, чем для какого-либо иного вида оружия. Видимо, кинжалом он и был. По азиатскому (и гуннскому?) обычаю Хильдерих дополнил им свой типично германский широкий, вертикально носимый меч (рис. 3, 7—10, 12).

Рукоять и крестовина реконструируются симметрично клинку. Форма клинка неизвестна, он мог быть однолезвийным или обоюдоострым, как известный «сакс» V в. из Пуана (рис. 3, 5) [19, рис. 25]. У исследователей вызывала сомнение принадлежность к этому предмету крестовины с иным и более крупным узором (рис. 3, 8). И напрасно, так как подобный прием, позволявший мастеру избежать однообразия и перегрузки в насыщенном декоре, повторен на многих изделиях Востока и их имитациях (рис. 3, 5, 8), в частности на кинжалах из Керим-ло и Борового. Крестовина асимметрична в плане, вероятно повторяя очертания устья ножен с выступом над ним.

Х. Арбман завершил рукоять маленьким круглым навершием, несоответственным пышному целому (рис. 3, 11). Подобное «пуговицеобразное» навершие было у кинжала из Абхазии (рис. 1, 3), но не имело там самостоятельного значения, а входило составной частью в более крупное катушкообразное навершие. Возможно, и отмеченный Х. Арбманом предмет увенчивал рукоятку ножа. Но навершием такой крупной и богато украшенной вещи, как «сакс» из Турнэ, скорее мог быть сердцевидный предмет, известный по рисунку XVII в. (рис. 3, 7 — немного в ракурсе) [19, рис. 17]. Эта плоская пышно украшенная коробочка прибавалась к основе шестью гвоздиками. Сердцевидные навершия кинжалов известны до XIX в., не были они исключением и для I тыс. н. э. (рис. 1, 1; рис. 2, 1, 6, 7; рис. 3, 5—7). Часто они имели форму металлической коробочки. Обычен для рукоятей и мотив орлиных головок.

Золотые части кинжала из Турнэ покрыты сплошной гранатовой инкрустацией с множеством тонких золотых прожилок и с мелкими «искорками» граната по краям пластин. Эта великолепная вещь сделана по азиатским прообразам, но западным ювелиром. Возможно, кинжалы с двумя выступами, носимые вместе с мечом, повлияли на формирование западного сакса как тем, что меч дополнялся вторым, меньшим клинком, так и их новым способом подвешивания. Но все же, вероятно, форма сакса складывалась своим, самостоятельным путем, не столько под влиянием кочевников и Азии, сколько с учетом боевого опыта оседлых народов. Не случайно комплекты из двух разной величины мечей находят у германцев, на Дунае, у горцев Абхазии V—VI вв. [5, с. 130, рис. 4, 17—19, 30; рис. 20, 9, 10], но не в степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленц Э. Э. Собрание оружия.— Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения Императорского Эрмитажа. Ч. I. СПб., 1908.
2. Werner J. Spättrömische Schwertortbänder vom Typ Gundremmingen.— Bayerische Vorgeschichts-Blätter. München, 1966, Jg. 31, H. 1/2.
3. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.

4. *Кубарев В. Д.* Кинжалы из горного Алтая.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
5. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов. М.: Наука, 1982.
6. *Сарианиди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983.
7. *Алексеева Е. М.* Горгиппия.— В кн.: Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
8. *Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтадзе Г. А.* Археологические памятники Армазис-хеви.— Мцхета, т. I. Тбилиси, 1959.
9. *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII в.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
10. *Минаева Т. М.* Погребения с сожженным близ гор. Покровска.— Уч. зап. Сар. ГУ. педагогический ф-т, 1927, т. VI, вып. III.
11. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975.
12. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда.— Успехи среднеазиат. археологии, 1979, вып. 4.
13. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г. на городище древнего Пенджикента.— СГЭ, 1973, вып. XXXVI.
14. *Belenitski A. M., Marshak B. I.* The Painting of Sogdiana.— In: Azarpai G. Sogdian Painting. Berkeley—Los Angeles—L., 1981.
15. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. B., 1912.
16. *Le Coq A., von.* Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, 1975, B. VII. Graz. Neue Bildwerke, 3.
17. *Olsén P.* Die Saxe von Valsgarde. Uppsala, 1945.
18. *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
19. *Arbman H.* Les épées du tombeau de Childeric.— Meddelanden från Lunds universitetets Historiska museum. Lund., 1948.

| A. K. Ambroz |

FIFTH-CENTURY DAGGERS IN SHEATHS WITH TWO SUSPENSION FITTINGS

S u m m a r y

Daggers dated to the period of the great migration and kept in sheaths with two suspension fittings to be horizontally attached to the belt were known to us solely from Oriental pictures starting with the late 5th century (Fig. 2, 8-13). Several objects of this type have been restored from their fragments. A dagger dated to the Hun epoch (the 5th century) found in Novogrigorievka village in the Ukraine is encrusted with gold and carneols (Fig. 2, 1-5). The 5th-century fittings were semi-circular or rectangular. It seems probable that daggers of this type served a prototype of the well-known Frankish sax from Tournai, which was, most probable, a horizontally attached dagger with two slightly protruding fittings (Fig. 3, 7-10).